

Часть I

ДРЕВНЕИСЛАНДСКОЕ ОБЩЕСТВО ПО РОДОВЫМ САГАМ

Глава 1

Заселение Исландии в IX начале X в., архаизм древнеисландского общества, изменения в социальной структуре в XII и XIII вв. и сохранение традиционного характера социальных взаимодействий элиты до середины XIII в.

Исландские родовые саги ценны для историка прежде всего тем, что в них рассказывается о живых людях — предках исландцев времени записи саг, то есть преимущественно XIV в. Они построены на базе рассказов, передававшихся изустно из поколения в поколение от очевидцев событий, происходивших со времени заселения острова во второй половине IX столетия вплоть до XIII в. включительно.

Для нас интересно общество, описанное в сагах, и психология древних скандинавов, во многом порожденная этими социальными условиями.

Исландские родовые саги рисуют общество, в своих основных чертах мало изменившееся на протяжении столетий, вплоть до присоединения Исландии к норвежскому королевству во второй половине XIII столетия. Таким образом, перед нами типичный случай *островной изоляции*, консервирующей реликтовое состояние на долгое время. В данном случае на исландской почве

произошла консервация древненорвежского языка и древненорвежского общества эпохи, непосредственно предшествующей времени исландских первопоселенцев, то есть середины IX в.

Во второй половине IX в., в самый разгар т.н. «эпохи викингов», тысячи норвежцев со своими семьями и домочадцами эмигрировали в Исландию, не желая попасть под власть конунга Харальда Харфагра, создавшего ранненорвежское государство. В Норвегии при Харальде Харфагре и его преемнике, конунге Эйрике Кровавая Секира, и его жене, королеве Гуннхильд, происходила ломка традиционного общественного уклада. При этом королевской властью ущемлялась правоспособность традиционных древнегерманских патрилокальных расширенных семей — эттов, присваивались принадлежащие им наследственные хозяйства — одали.

О соответствии исторической правде модели консервации социальных институтов в Исландии эпохи народовластия и обычаев норвежского традиционного общества середины IX в. говорит и общественное самосознание исландцев, отделяющее их от средневековых норвежцев. Об этом хорошо написал Джесси Байок: «Для исландца эпохи народовластия существовало четкое разделение “мы” и “они”. Первыми были сами исландцы, а вторыми — норвежцы <...> Как неоднократно подчеркивается в сагах, исландцы видели в норвежцах людей, которые некогда были свободными, но утратили свои права, то есть по сути дела стали рабами своих конунгов. Исландцы же, напротив, эти права сохранили, и в сагах мы постоянно наблюдаем, как исландцы, находясь в Норвегии, на этом основании смело бросают вызов норвежской системе» [Байок 2012: 340] (см. также: [Jakobsson 1999]).

Генезис древненорвежского государства и жизнь исландских первопоселенцев подробно описана в великом памятнике древнегерманской литературы — «Саге об Эгиле Скаллаgrimссоне», в которой рассказывается о судьбе типичного представителя древнегерманской архаики, скальда и воина Эгиля Скаллаgrimссона, о деяниях его отца Грима Лысого и дяди Торольва. Сага сильна своим психологизмом, также очень много внимания в ней

уделено быту, кораблям и вообще материальной культуре Скандинавии эпохи викингов.

В четвертой главе саги рассказывается, что конунг Харальд подчинил норвежских бондов и взял себе их наследственные земли (касательно реальности «отнятия одаля» в норвежской исторической науке в свое время развернулась дискуссия — см.: [Andersen 1977]). Не желающие подчиниться воле конунга норвежцы массово эмигрировали на острова Северной Атлантики, в том числе на самый крупный из них — вулканический остров Исландию (о достаточно точной датировке следов первооселенцев по слоям вулканического пепла, подтверждающем данные саг, см.: [Thórarinnsson 1981; Larsen 1996; Dugmore, Simpson 1999; Íslenskur söguatlas 1990; Grönvold 1994; Grönvold, Óskarsson, Jonsen, Clausen, Hammer, Bond, Bard 1995; Buckland, Edwards, Blackford, Dugmore, Sadler, Sveinbjarnardóttir 1995]; приложение, с. 111–112).

Став конунгом, любимый сын Харальда Прекрасноволосого Эйрик Кровавая Секира и его жена Гуннхильд попрали древнегерманское тинговое право, как это видно в эпизоде с разгоном народного собрания — Гулатинга — в Норвегии, приведенном в «Саге об Эгиле». Эгиль судился здесь со знатным дружинником конунга Энундом по поводу наследства своей жены Астерд — одаля, доставшегося ей после смерти ее отца Бьёрна.

Интересна описываемая здесь пространственная организация древнегерманского народного собрания. Священное место, где сидели судьи, представляло собою круг (или, как предпочитает его называть сага, кольцо, др.исл. *hringr*), огороженный шестью из орешника (др.-исл. *heslistengr*), между которыми были протянуты веревки, именовавшиеся «священными узами» (др.-исл. *véþond*). Собравшийся на тинге народ, таким образом, вероятно, располагался вокруг круга судей.

Несмотря на поддержку своего друга, приближенного конунга Эйрика по имени Аринбьёрн, Эгилю не удалось дожидаться возможного решения тинга в свою пользу. Разгон Гулатинга дружиной Альва Корабельщика, брата королевы Гуннхильд, имел место в конце 930-х годов, после знаменитой по древнеанглийской эпи-

ческой песне битвы при Брунанбурге между англосаксами и скоттами, в которой Эгиль принял деятельное участие, сражаясь сам за уэссекского короля Этельстана и ведя со своим погибшим в битве братом норвежскую дружину. Показательно, что возмущенный уничтожением священного тингового круга и разгоном судей народ присутствовал на тинге без оружия, что совершенно не соответствовало древнегерманским традициям, зафиксированным еще Тацитом в I в. н.э., однако же таковы были правила игры в норвежском королевстве в X в. Затем Эгиль, в полном соответствии с древнегерманским правом, предложил Энунду решить дело поединком на тинге (др.-исл. *hólmganga*), но угрозы конунга отменили и эту возможность. Таким образом, самые основы традиционного древнегерманского общества как равного состязания родовых коллективов, тяжущихся сторон на народном собрании, оказались разрушены зарождающейся средневековой норвежской государственностью (см. приложение, с. 112–117).

До последних десятилетий IX в. н.э. древнескандинавские вожди — конунги, подобно ханам степных кочевников [Калиновская, Марков 2000: 184; Крадин 2000: 199–201, 207–210, 212–213, 217–219], не эксплуатировали своих соплеменников, а за счет военной добычи кормили своих дружинников — сотрапезников, а в случае большой войны имели право собирать народное ополчение. Потому всплеск грабительских рейдов на Западную Европу в IX в. н.э. после распада Франкской империи можно легко объяснить заинтересованностью скандинавской военной элиты в добывании мечом богатства и славы.

Конечно, конунги, ярлы, херсиры и прочая родовая знать существовали у скандинавов столетия до Харальда Харфагра. Однако они представляли собою тогда плоть от плоти традиционного общества родичей, не являлись представителями государства, которое отсутствовало, а были лишь военными предводителями, жрецами, общественными лидерами, более богатыми и родовитыми, чем все остальные владельцы одалей — бонды, однако фактически равными им в правовом отношении. Не случайно в последующую эпоху складывания раннего государства многие

представители родовой аристократии играли роль народных вождей, противостоявших насилию конунгов и их служилой знати. Об этом содержательно написал отечественный исследователь древненорвежского одаля, старонорвежских областных законов и королевских саг с точки зрения их историчности А.Я. Гуревич:

«Необходимо разграничивать... старую родовую знать и новый служилый слой. Первая по самой своей природе не могла не враждовать с королем, тогда как служилые люди его поддерживали. Несомненно, что изображаемая в сагах борьба родовых аристократов против государственной власти имела место в действительности. Вместе с тем часть представителей старинных родов переходила на службу к королю, сближалась со служилым людом, но процесс приспособления родового нобилитета к изменившимся условиям был мучительным и во многих случаях не приводил к его действительному переходу на новые позиции, — отсюда постоянные резкие столкновения аристократов с конунгами, опиравшимися на создаваемый ими служилый слой.

Различия между родовой знатью и служилым людом состояли, помимо всего прочего, в том, что экономические основы их могущества были неодинаковы. Знатные роды в эпоху викингов располагали крупными усадьбами с большим количеством скота, где хозяйство велось руками рабов, вольноотпущенников и других слуг... они играли ведущую роль в воинских экспедициях, тесно переплетавшихся с торговлей. Служилые люди государя также обладали земельными владениями, но основным источником их доходов была присваиваемая ими часть поборов и кормлений с населения; с течением времени они стали раздавать свои земли арендаторам. Иначе говоря, их существование в значительной мере строилось уже на эксплуатации крестьян, хотя последняя не приобретала ясно выраженного феодалного характера. Родовой знати, которая не жила преимущественно за счет бондов, тем легче было играть роль их лидера и защитника от притеснений со стороны конунга и его слуг. Это усиливало позиции старой аристократии, было одним из источников ее жизнеспособности. Однако, с другой стороны, прекращение викингских походов и сопровождавшее его падение роли рабства в производстве подрывали материальные основы существования родовой знати. Такое противоречивое ее положение вызывало

отчаянные попытки найти выход из постигшего ее кризиса в борьбе против усиливавшейся королевской власти, в междуусобицах, заполняющих историю Норвегии на протяжении нескольких десятилетий XII в.» [Гуревич 2009: 304–305].

Из вышеприведенного эпизода «Саги об Эгиле» видно, что в первой половине X в. от традиционных германских вольностей при конунге Эйрике Кровавая Секира не осталось и следа, королевской волей поправлены права народного собрания свободных бондов. Таким образом, массовая миграция свободолюбивых норвежцев в Исландию как следствие глубоких перемен в норвежском обществе, складывания там государства становится легко объяснимой.

Несмотря на то что в правление другого сына Харальда Прекрасноволосого Хакона, прозванного в народе Добрым, древнегерманские вольности были восстановлены, и даже во второй четверти XI столетия бонды заставили конунга Магнуса Доброго отказаться от притязаний на их одали и свободу, это было только временное отступление нарождавшейся государственной власти северных королей.

Появление исторических сведений о политике по сохранению древнегерманской догосударственной системы Хакона Доброго и Магнуса Доброго в висе скальда Сигвата, сочиненной для Магнуса Доброго, в которой современник этих событий, знатный дружинник конунга, предостерегает Магнуса Доброго посягать на одали бондов, очень важно для историка (приложение, с. 122–123). Сохранившиеся в сагах тексты скальдических вис считаются надежным свидетельством истинности описанных в них событий — при изощренности формы висы, сочиненные современниками событий по конкретному случаю, не содержат вымысла. Таким образом, я с высокой степенью вероятности могу доверять свидетельствам саг о внутренней политике норвежских конунгов, в том числе и свидетельству «Саги об Эгиле» об отнятии одалей королевской властью Харальда Харфагра, что привело к массовой эмиграции норвежских патрилокальных

расширенных семей в Исландию во второй половине IX — начале X в.

Исландские первопоселенцы со своими семьями, домочадцами и движимым имуществом переплывали Северную Атлантику на кораблях определенного типа — коротких и вместительных высокобортных грузовых *кноррах*.

Так, после мести за Торольва, убив подстрекателей, оговоривших того перед конунгом Харальдом Прекрасноволосым, на их хуторе, в Исландию отправляется Кетиль Лосось на двух кноррах (приложение, с. 118–120).

Отец Торольва, убитого по приказу конунга Харальда, Квельдульв и его брат Грим Лысый, отомстив многим дружинникам конунга Харальда, принимавшим участие в убийстве их родича, также отправились с семьей, домочадцами и движимым имуществом в Исландию на двух кноррах (приложение, с. 120–121).

О происхождении разных типов кораблей в Скандинавии эпохи викингов и об их устройстве будет рассказано в специальной главе этой книги.

Первопоселенцы в Исландии основывают на своей новой родине хуторские хозяйства, подобные норвежским одалям, которые передавались по наследству от отца к сыну и представляли собою прочный экономический базис для долговременного существования патрилокальной расширенной семьи с домочадцами. Показательно в этой связи описание хозяйства отца Эгиля, могущественного Грима Лысого, на западном побережье Исландии. Это описание прекрасно характеризует комплексное хозяйство богатого норвежского *одаля* IX столетия со значительной долей земледелия, скотоводства (преимущественно овцеводства) и морского промысла. Естественно, такое большое и многопрофильное хозяйство требовало большого количества домочадцев — зависящих от владельца хуторов людей.

Возможности комплексного хозяйства имелись лишь в эпоху заселения Исландии. Надо сказать, что березовые леса исландских низменностей на побережье уже первым поколением исландцев к 30-м годам X в. были в значительной части сведены,

а подвергаясь эрозии почва стала малопригодной для земледелия. Сохранилось овцеводство на горных пастбищах, но это не изменило ни традиционную северогерманскую хуторскую систему расселения, ни тесно связанную с ней социальную структуру общества, базовой ячейкой которого была патрилокальная расширенная семья, владевшая наследственным одалем (приложение, с. 126–128).

Несмотря на принятие христианства на тинге в 1000 г. н.э., вплоть до присоединения к Норвежскому королевству во второй половине XIII в. Исландия не интегрировалась в феодальное западноевропейское общество, преимущественно благодаря своей островной изоляции.

В XII–XIII вв., после введения церковной десятины в 1096 г., начинается процесс сосредоточения собственности и, следовательно, в конечном счете и власти в руках бывших годи, крупных вождей-хавдингов. Большое количество прежде вольных исландских домохозяев переходят в разряд зависимых от своих хавдингов арендаторов, а народное собрание — тинг, на котором прежде велась тяжба коллективов родичей как равных сторон, постепенно утрачивает свое верховное значение [Sveinsson 1953; Wyock 1986a; Vésteinsson 1996]. Оулав Лаурссон в работе «Из истории заселения Исландии» пишет об этом так:

«С наступлением XII в. власть хавдингов получила новую материальную опору. Прежде всего следует указать на то, что в их руки попали церкви и церковные владения. В 1096 г. был принят закон о десятине. Половина ее поступала владельцу церкви. Кроме этого у церковей постоянно накапливалась собственность — земли и скот — и появились иные источники доходов, как то: поборы в их пользу с каждого двора сыром, овцами и т.п. Все это шло на пользу владельцу церкви, и, хотя ему надо было содержать церковь и выплачивать священнику жалование, все же в большинстве мест от этих доходов получался остаток, а кое-где весьма внушительный. Мы видели, что в эпоху Стурлунгов некоторые роды хавдингов держали в своих руках богатейшие места, например род людей из Одди распорядился Рангартингом, Одди, Брейдабольстадом, Сторольфсхва-

лем, Кельдуром, Гуннарскольтом и Нижним Скардом, род людей из Хаукадаля распоряжался в Арнесской сюрле Хаукадалем, Хруни, Храунгердом, Брёдратунгой, Кальдадарнесом и Рейкиром в Альфусе. Это приносило им огромные богатства. Например, в Одди скапливались немалые богатства в результате того, что каждую осень в качестве арендной платы за земельные участки вносилось по 85 овец и вдобавок по кругу сыра с каждого бонда между рекой Йокулса в Сольхеймасанде и рекой Тьорса, не считая всего прочего, что должно было поступать с бондов. При таком материальном подкреплении власть хавдингов не могла не процветать, и “Сага о Стурлунгах” в достаточной степени показывает, что их власть в то время значительно усилилась по сравнению с “веком саг”. Власть хавдингов получала и другие материальные подкрепления. Так, вошло в обычное дело вносить подать в пользу годи, что раньше не практиковалось. Хотя власть и требовала больших расходов, благодаря этим поступлениям богатство стало концентрироваться в руках некоторых родов и экономическое неравенство стало возрастать. В то время люди не могли увеличить свое богатство иначе, как вкладывая его либо в земли, либо в скот. Поэтому число свободных бондов, собственников обрабатываемой земли, постепенно уменьшалось, и сдача земель и скота в аренду возрастала. Появление крупной земельной собственности богатых родов в XIV и XV вв. восходит именно к этому времени. Короли получили политическую власть из рук родов годи, причем потерю доходов годи быстро возместили за счет доходов от управления сюрлами и занимания должности лагмана или губернатора. Большие потери хавдинги понесли в результате победы церкви в имущественных спорах со светской властью, но они все же сохранили в своих руках достаточно источников, чтобы продолжать накопление богатства. В XIV в. повысилась по цене сушеная треска, и землевладельцы в прилегающих к морю местностях широко воспользовались выгодой этого обстоятельства. Параллельно с этим быстро возрастало богатство церковей, монастырей и епископств. Все это не могло не привести к еще большему имущественному неравенству, которое в первую очередь проявлялось в отношении земельной собственности. В конце XIII в. бондов, являвшихся хозяевами обрабатываемых ими земель, стало значительно меньше, нежели арендаторов. В XV в. они почти совсем исчезли. В то время в Исландии встречались целые области, где все земли сдавались арендаторам.

Неизбежным следствием всего этого явилось ухудшение материального положения бондов-«средняков» по сравнению с предшествующим периодом. Они стали в 1300 г. значительно беднее, чем были около 1100 г.» [Lárusson 1944: 38–40] (цит. по: [Олгейрссон 1957: 263–264]).

Еще ранее процесс стратификации среди базовой категории земельных держателей начался в Норвегии. Разумеется, катализатором этого процесса выступала в XI–XIII вв. складывающаяся и укрепляющаяся королевская государственная власть. Уже по «Законам Гулатинга» хольд, как в то время называли полноправного владельца одаля (в эпосе, скальдике и рунических надписях это обозначение (доблестного) мужа, воина, бонда), получал за ранение в два раза большее возмещение, чем простой бонд, то есть шесть «колец» (*baugar*, этимологически восходит к эпическому имени наручных браслетов дружинников) вместо трех за ранение бонда. При этом за ранение короля, ярла и посаженного конунгом на землю представителя служилой знати — лендрмана — полагались гораздо большие суммы, что подчеркивает уже неравноправный статус простых членов общества и представителей складывающегося государства (48 *baugar* за ранение короля, 24 *baugar* за ранение ярла и 12 *baugar* за ранение лендрмана). При этом известно определение хольда по общегосударственному норвежскому закону, Ландслову, принятому в 1274 г.: «Хольдом считается тот, кто имеет одаль, полученный им по наследству от обоих — отца и матери, которым прежде них обладали его предки и который не был одалем других людей, приобретших его посредством покупки или унаследовавших по боковой линии» [Гуревич 2009: 278, 287–288]. Таким образом, следует думать, что значительная часть бондов в контексте западнонорвежских «Законов Гулатинга» в XII–XIII вв. уже не являлись полноправными владельцами одалей — земельных владений предков, а перешли в разряд более низкой социальной категории арендаторов чужой земли, получавшей в два раза меньшее возмещение в случае ущерба.

Важно, однако, отметить, что семьи сконцентрировавших в своих руках богатство и власть хавдингов Исландии XIII в.

взаимодействовали между собою согласно столетиями существовавшей модели, присущей древнегерманскому обществу. В этой среде и в XIII столетии, в эпоху записи саг, сохранялись традиции древнегерманского общества родичей с его превалированием горизонтальных отношений между патрилокальными расширенными семьями, сталкивающимися в кровной распре и привлекающими многочисленных союзников с обеих сторон конфликта.

Насколько архаичным в отношении взаимодействия представителей социальной верхушки было исландское общество даже в середине XIII в., несмотря на новые веяния времени, зачастую инспирированные с континента, таких как вооруженная борьба епископа Гудмунда и хавдингов Западной Четверти, а также значительное усиление власти хавдингов и их борьба между собой (например, возвышение Стурлы и его жестокое убийство в битве при дворах Эрлюга 21 августа 1238 г.), видно по заключительным главам «Саги об Исландцах» Стурлы Тордарсона (1214–1284) [Sveinsson 1953; Jóhannesson 1958; Karlsson 1972; 1980; Thorláksson 1979a; 1979b; 1974; Vyock 1986a; Bragg 1997].

Главные события, развивавшиеся в Исландии в последние два десятилетия ее независимости, в 1240–1250-х годах, заданы, как и было принято в древнегерманском обществе, прежде всего кровной враждой, возникшей после убийства могущественнейшего хавдинга в Исландии XIII в. Стурлы, сына Сигхвата, в котором принимал участие другой могущественный хавдинг, Гицур. Здесь политика, борьба за власть между хавдингами и норвежские интересы уходят на второй план. Родичи Стурлы и их союзники в качестве мести за его убийство сжигают богатый хутор своего кровника, могущественного хавдинга Гицура, сына Торвальда, люди коего были замешаны в убийстве Стурлы. Жена Гицура, трое его сыновей и множество домочадцев гибнут в пламени. Сожжение в доме считалось тяжким преступлением, за которое поджигателей на тинге объявляли вне закона.

Описание событий, связанных с сожжением хутора Мошкарное Болото 22 октября 1253 г., наполнено древнегерманской архаикой. Прежде всего, обращает на себя внимание демонстрация

основной роли женщины в сагах как подстрекательницы к мести. В данном случае в роли подстрекательницы выступает Турид, жена организатора будущего поджога Эйольва, сына Торстейна. Реакция Эйольва, изменившегося в лице, также описывается стереотипно для саговой традиции (приложение, с. 122–123).

Далее в саге рассказывается со всеми подробностями о нападении на палаты Гицура на Мошкарном Болоте. Следует отметить, что само по себе сражение при дверях длинного дома уводит нас в глубокую германскую архаику, отраженную, например, в древнеанглийском эпосе в эпизодах, связанных с битвой при Финнсбурге, то есть в палатах древнефризского конунга Финна (эти события датско-фризской распри имели место, вероятно, в V в. н.э.). Боевые приемы, использованные в битве на Мошкарном Болоте, идут из глубин германской древности, особенно показательно здесь построение стены из щитов. Само устройство дома каркасно-столбовой конструкции, разделенного на пиршественный зал с центральными очагами и женские покои, мало изменилось на протяжении многих столетий.

Описание битвы в хуторе Мошкарное Болото, сожжения семьи Гицура и его спасения в «Саге об Исландцах» насыщено подробностями, чрезвычайно реалистично и исполнено трагизма. Оно еще раз демонстрирует нам, что главное в исландской саге — это распря и кровная месть. Стурла Тордарсон жил в описываемую эпоху, был близким родичем персонажей саги и, конечно же, максимально правдиво описал исторические события последних десятилетий существования исландской независимости, а через эти события — консервативную древнегерманскую природу исландского общества середины XIII в. Конечно, многие распри удавалось урегулировать на народных собраниях вооруженных правоспособных мужчин — на германских тингах. Этому посвящены специальные главы книги.

В эпизоде о битве при Мошкарном Болоте перед нами — древнегерманская кровная распря, дошедшая до предела. Трагические события поджога усадьбы Гицура, гибели его жены и детей, реализм описания спасения Гицура, который укрылся в бочке

с молочной сывороткой и, когда бочку протыкали копьями кровные враги, перестал дрожать от переохлаждения, переданы в саге с потрясающей силой (приложение, с. 123–137). Очень важно, что «Сага об Исландцах» — это письменный источник, имеющий автора и синхронный описываемым в нем событиям.

Таким образом, и в XIII в., в эпоху записи родовых саг, семьи богатых и могущественных хавдингов, сосредоточивших к тому времени в своих руках и военное могущество вкупе с политической властью, продолжали взаимодействовать между собой согласно нормам и практике древнегерманского общества родичей. В таком обществе большую роль играли обычаи, связанные с кровной мезтью. И подстрекательство к мести и ее практика оставались такими же, как и в эпоху, покрытую вековым мраком седой старины. Поэтому неудивительно, что записанные в XIII–XIV вв. исландские саги донесли до нас с такой полнотой как обычаи древнегерманского общества родичей, так и яркие и убедительные психологические портреты людей той эпохи.

Глава 2

Семья из трех поколений родичей как основная структурная единица древнескандинавского общества и ее этнографические параллели по древнескандинавским и иным источникам

Родовое общество — это не общество профессиональных статусов, а общество, состоящее из органических групп, основанных на происхождении.

А.Я. Гуревич. «Норвежское общество в раннее Средневековье»
[Гуревич 2009: 351]

Информацию о структуре древнескандинавского общества можно почерпнуть преимущественно из трех групп источников: во-первых, из средневековых областных законов — правовых